

УДК 81'112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/5

ЛЕКСИКА ТАКТИЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

И.В. Садыкова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: pansadyk@rambler.ru

Авторское резюме

В статье рассматриваются особенности формирования лексики тактильной перцепции в восточнославянских языках. Анализ проводится в рамках сравнительно-исторического метода на материале лексикографических источников. В ходе исследования было выявлено, что семантика осязательных глаголов предполагает разную степень активности субъекта восприятия; он может как случайно, произвольно коснуться объекта, так и целенаправленно исследовать объект, ощупывая его. Во всех восточнославянских языках имеется ряд слов, именующих тактильные ощущения, следовательно, каждый восточнославянский язык прошел свой путь формирования данной группы глаголов. Это говорит в пользу того, что рассматриваемый круг лексики формировался в достаточно поздний период. Больше количество сходств в составе синонимических рядов обнаруживается между украинским и белорусским языками. Кроме того, следует отметить большое влияние западнославянских языков на формирование тактильной лексики русинского языка. Русский язык и русинский язык стоят несколько особняком в процессе формирования рассматриваемого пласта слов.

Ключевые слова: славянские языки, русинский язык, лексические соответствия, тактильная перцепция.

VOCABULARY OF TACTILE PERCEPTION IN EAST SLAVIC LANGUAGES

I.V. Sadykova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: pansadyk@rambler.ru

Abstract

The article discusses the formation of tactile perception vocabulary in East Slavic languages. The analysis is conducted within the framework of comparative-historical method on the basis of lexicographical sources. The research shows that the semantics of tactile verbs presupposes different degrees of the activity of the perception subject. The subject can involuntarily touch the object or intentionally investigate it by touching. In all East Slavic languages there are words of tactile perception; therefore each East Slavic language formed this word group in its own way. It supports the fact that this vocabulary was forming in the relatively late period. More similarities of synonyms are discovered between the Ukrainian and the Belarusian languages. It is also worth mentioning, that the West Slavic languages had a great influence on the formation of tactile vocabulary in the Rusin language. Russian and Rusin stand apart in the formation of the vocabulary under analysis.

Keywords: Slavic languages, Rusin language, lexical correspondences, tactile perception.

В настоящем исследовании в центре внимания находится лексика, используемая в современных восточнославянских языках (русинском, украинском, белорусском, русском) для обозначения тактильного восприятия окружающей действительности. Материалом исследования послужили данные словарей различного типа: двуязычных словарей восточнославянских языков, толковых, исторических, этимологических словарей славянских и индоевропейских языков. Целью данного исследования является выявление особенностей номинации тактильной перцепции в восточнославянских языках.

Лексика чувственного восприятия формируется в индоевропейских языках, в том числе и в славянских языках, поэтапно, отражая сложный процесс познания и осознания человеком самого себя и своих чувств. Слова, именующие перцептивные ощущения, первоначально имели, по всей видимости, синкретичную семантику,

т. е. могли обозначать как перцепцию в целом, обобщенном, нерасчлененном виде, так и какую-либо отдельную, частную перцепцию. Так, рефлексы индоевропейского корня *au- «чувственно воспринимать, ощущать, понимать» дают такую картину: с одной стороны, есть наименования обобщенной перцепции, как древнегреческий глагол αἰσθάνομαι «ощущать, воспринимать, чувствовать (т. е. слышать, видеть, обонять)», а с другой стороны, имеются названия конкретных восприятий (зрительного и слухового), как др.-греч. αἰῶ «слышать; видеть, замечать, знать; слушать, слушаться», лат. *audire* «слушать, слышать», хет. *u-uh-hi* «я вижу», *a-uš-zi* «он видит» и др. (Рокорну 1951–1959: 78). Или, например, дериваты праславянского глагола *čuti «чувствовать, замечать, узнавать» в восточно- и западнославянских языках обозначают и общую, и конкретную перцепцию (слуховую, обонятельную, тактильную, реже – вкусовую), а в южнославянских языках они служат наименованиями слухового восприятия мира (ЭССЯ 4: 134–135). Для древнего состояния языка очень сложно определить, в каком направлении шло семантическое развитие: от общей перцепции к частной или наоборот. Однако с течением времени синкретизм семантики постепенно устраняется, формируются наименования для каждого вида чувственного восприятия – зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса.

В представляемом исследовании, как уже было сказано, рассматривается лексика осязания в современных восточнославянских языках. Нам было интересно выяснить, какие лексемы используются в этих языках для обозначения тактильной перцепции, как соотносятся эти лексемы внутри каждого языка и между языками, является ли перцептивное значение у них первичным, каковы модели номинации данного вида восприятия, есть ли общее наименование для тактильной перцепции в восточнославянских языках.

На основе лексикографических данных для каждого восточнославянского языка были сформированы синонимические ряды слов-наименований тактильного восприятия действительности, а именно:

1) в русском языке: *трогать* (*дотрагиваться*), *касаться* (*прикасаться*), *осязать*, *щупать*, (прост.) *лапать* (Кузнецов 2000; МАС 2; МАС 4);

2) в русинском языке: *пыт(ьк)ати*, *мацати*, *гматати*, (прост.) *лапати* «щупать»; *кывати*, *рушати*, *бабрати* «трогать»; *чути на дотык* «осязать»; *дотыкати ся*, *докывати ся*, *тыкати ся* «касаться» (Русинско-русский словарь 1; Русинско-русский словарь 2);

3) в украинском языке: *щупати*, *мацати*, (разг.) *лапати* (*лапнути*) «щупать»; *рушати*, *торкати* (*торкнути*) «трогать»; *стосуватися*, обл. *дотикати*, *діткнути* «касаться»; *відчувати на дотик*, *сприймати дотиком* «осязать»; *торкатися* (*торкнутися*), *доторкатися*

(*доторкуватися*) «дотрагиваться, прикасаться» (Украинско-русский словарь 1971);

4) в белорусском языке: *успрымаць дотыкам, адчуваць на дотык* «осязать»; *дакранацца, датыкацца* «касаться»; *чапаць, рушыць, кра-таць, кранаць* «трогать»; *шчупаць, мацаць*, (прост.) *лапаць* «щупать» (Белорусско-русский словарь 1988–1989).

Рассмотрим отобранные лексемы в интересующих нас аспектах.

1. Следует обратить внимание на то, что человек по-разному воспринимает окружающий мир: бесконтактно и контактно. Когда мы смотрим вокруг, слышим звуки, ощущаем запахи, нам не обязательно находиться очень близко с предметом, мы можем воспринимать его на расстоянии. В то же время, чтобы почувствовать вкус предмета, понять, какой он на ощупь, нам нужно обязательно находиться в непосредственном контакте с познаваемым предметом. Таким образом, при тактильном восприятии какого-либо предмета обязательно есть субъект действия, объект действия и инструмент действия, через который происходит восприятие. Инструментом восприятия при этом становятся чаще всего человеческие руки или пальцы (у животных – лапы, у птиц – крылья), а также любые другие части тела человека (например, кожа; интересно, что инструментом осязания могут быть и глаза, ср. рус. *щупать глазами (взором)* «внимательно осматривать») или собственно инструменты (например, щуп). В роли воспринимаемого объекта может выступать любой предмет окружающей действительности: как конкретный (шляпа, ткань, конь и под.), так и абстрактный (например, тема, мысль, период истории, достижения и под.). Именно эти элементы семантики (субъект, объект, инструмент) являются общими для основного значения всех лексем, которые составляют ряды синонимов в восточнославянских языках. Однако отражаются они в лексическом значении выделенных глаголов по-разному.

Так, например, различна степень активности субъекта восприятия. Наименьшую степень, на наш взгляд, выражают лексемы *прикасацца, дотрагивацца* в русском языке, *дотыкати ся, докывати ся, тыкати ся* в русинском языке, *стосуватися*, обл. *дотикати, діткнути, торкати ся (торкнути ся), доторкати ся, доторкуватися* в украинском языке, *дакранацца, датыкацца* в белорусском языке. В этих вариантах номинации тактильных ощущений субъект не имеет специальной задачи тщательно исследовать объект, прикосновение носит, по большей части, случайный характер. Немного больше степень активности субъекта проявляется в семантике глаголов *трогаць, касацца, осязать* (рус.), *кывати, рушати, бабрати, чути на дотык* (русин.), *рушати, торкати (торкнути), відчувати на дотик, сприймати дотиком* (укр.),

успрымаць дотыкам, адчуваць на дотык, рушыць, кратаць, кранаць (блр.). Здесь субъект касается объекта с тем, чтобы составить первое, поверхностное впечатление о нем. Наконец, наивысшая степень активности субъекта, когда он не только слегка касается предмета, трогает его, но и берет этот предмет в руки, тщательно ощупывает его, проявляется в семантической структуре следующих глаголов: *щупаць*, (прост.) *лапаць* (рус.), *пыт(ьк)ати, мацати, зматати*, (прост.) *лапати* (русин.), *щупати, мацати*, (разг.) *лапати* (укр.), *шчупаць, мацаць*, (прост.) *лапаць* (блр.).

Степень активности субъекта восприятия влияет, как нам представляется, и на выраженность инструмента восприятия при формулировке значения анализируемых слов. Так, например, прямое указание на инструмент восприятия есть в формулировке значения русского глагола *щупать* («прикасаться рукой, пальцами и т. п. (чтобы обследовать, распознать)»; «трогать рукой, пальцами и т. п.») (Кузнецов 2000: 1511; МАС 4: 744) и рус. прост. груб. *лапать* («трогать, хватать руками», «трогать, хватать руками, щупать») (Кузнецов 2000: 487; МАС 2: 164). В значении же других слов инструмент восприятия не называется напрямую, но предполагается, так как при осязании необходим контакт с воспринимаемым объектом, который осуществляется через какой-то инструмент.

Своеобразным инструментом (хотя и воображаемым), вынесенным в отдельное слово, выступает в русинском, украинском и белорусском языках существительное *дотык (дотик)* «прикосновение, осязание» в словосочетаниях *чуті на дотык, відчувати на дотик, сприймати дотиком, успрымаць дотыкам, адчуваць на дотык*. Следует также отметить, что когда воспринимаются абстрактные объекты (такие как тема, мысль и под.), инструмент восприятия также воображаем, абстрактен, да и семантика самих перцептивных глаголов является в этом случае уже переносной, метафорической.

В качестве объекта восприятия при осязательных глаголах может использоваться наименование любого воспринимаемого предмета (конкретного, реального или абстрактного, воображаемого), хотя обращает на себя внимание тот факт, что чем активнее ведет себя субъект восприятия, тем конкретнее объект восприятия.

2. Сопоставив состав синонимических рядов слов, именующих тактильную перцепцию в восточнославянских языках, можно отметить следующее. Во-первых, для обозначения тактильной перцепции в каждом из современных восточнославянских языков имеется свой набор наименований. Данный факт говорит о том, что, по всей видимости, каждый восточнославянский язык прошел свой путь номинации тактильного восприятия, при этом восточнославянские

языки по-разному взаимодействовали между собой и с другими славянскими языками.

Во-вторых, несмотря на значительные расхождения в составе синонимических рядов, есть все-таки некоторые общие черты. Например, во всех рассматриваемых языках функционируют родственные просторечные или разговорные глагольные формы: рус. *лапать*, укр. *лапати*, русин. *лапати*, блр. *лапаць*, которые являются рефлексами праслав. *lapati. Данная праформа дает дериваты и в других славянских языках: а) южнославянские: болг. *лѧпам* «пожирать, лопать», макед. *лапа* «лопать, уминать, жрать», с.-хорв. диал. *лѧпати*, *лѧпати* «лопать, жрать; лять, падать крупными каплями», словен. *lāpati* «хватать, ловить; болтать без умолку»; б) западнославянские: чеш. *lapati* «хватать, ловить; стараться поймать», слвц. *lapat'* «хватать», в.-луж. *łapac* «хватать, ловить», н.-луж. *lapac* «хватать, ловить», польск. *łapac* «ловить, хватать», словин. *łapac* «хватать, ловить» (ЭСЯ 14: 28). Однако тактильная семантика развивается только у восточнославянских глаголов, причем на основе значения «хватать, ловить руками».

Имеются среди лексики тактильной перцепции восточнославянских языков и другие сходства. Так, в русинском, украинском и белорусском языках есть обозначения-словосочетания: русин. *чути на дотык*, укр. *відчувати на дотик*, блр. *адчуваць на дотык* со значением «осязать», в которых используются префиксальные и непрефиксальные однокоренные глаголы, восходящие к о.-слав. *čuti «чувствовать, замечать, узнавать» (ЭСЯ 4: 134). Соответственно, первичное значение этих обозначений-словосочетаний можно сформулировать как «чувствовать (ощущать) через (с помощью) прикосновение (осязание)». Русинский глагол *чути*, входящий в одно из сложных наименований, полностью соответствует древнерусскому глаголу *чути*, который в русском языке получил форму *чуять* и в XVIII–XIX вв. употреблялся для именованья тактильного восприятия наряду с обозначением общей перцепции, а также слуховой и вкусовой (САР 6: 836–837; Даль 4: 1381–1382). Кроме того, о.-слав. *čuti имеет производные в западно- и южнославянских языках, где они являются обозначениями как общей перцепции, так и различных конкретных перцепций (ЭСЯ 4: 134–135)¹.

В украинском и белорусском языках процесс осязания также обозначается с помощью словосочетаний укр. *сприймати дотиком*, блр. *успрымаць дотыкам*. У глаголов, используемых в этих сочетаниях, есть параллели в русском языке (*воспринимать*) и в русинском языке (*восприимати*), которые могут использоваться для обозначения общего восприятия, однако словосочетаний, называющих тактильные ощущения, в русском и русинском языках не сформировалось.

В трех языках (из четырех рассматриваемых) для обозначения тактильной перцепции используются следующие родственные лексемы:

- 1) русин. *мацати*, укр. *мацати*, блр. *мацаць* «щупать»;
- 2) русин. *тыкати ся* (*дотыкати ся*), укр. обл. *дотикати*, *дiткнути*, блр. *датыкацца* «касаться, прикасаться»;
- 3) русин. *рушати*, укр. *рушати*, блр. *рушыць* «трогать»;
- 4) рус. *щупать*, укр. *щупати*, блр. *щупаць* «щупать».

Отметим, что в истории русского языка также фиксировались глаголы *мацать*, *дотыкаться*, *рушати* / *рушати*, однако на сегодняшний момент они имеют семантические, стилистические и функциональные особенности. Например, лексема *мацать* со значением «трогать, щупать» употребляется на западе и юге России и является диалектизмом (СРНГ 18: 54). Такой же статус в современном русском языке имеет и глагол *дотыкаться* «дотрагиваться, прикасаться; обращаться с просьбой о помощи, об услуге» (СРНГ 8: 157), однако он отмечался и в более ранний период истории русского языка (XV–XVI вв.), о чем свидетельствуют материалы Словаря русского языка XI–XVII вв.: *дотыкати ся* «касаться чего-либо, иметь отношение» (СРЯ XI–XVII: 344). Что касается глаголов *рушати* / *рушати*, то они употреблялись уже в период древнерусского языка, однако их семантика не была связана с перцепцией, их основное значение «разрушать, нарушать» (Срезневский 3: 201–202). В современном русском литературном языке лексема *рушить* «ломая, валить на землю; разрушать; уничтожать, приводить в полное расстройство, разваливать» (и ее производные) продолжает функционировать, но она не имеет отношения к обозначению чувственного восприятия (Кузнецов 2000: 1135). Справедливости ради нужно сказать, что и в других восточнославянских языках соответствующие глаголы имеют перцептивную семантику только в определенной, запретительно-повелительной конструкции: русин. *не рушай* «не трогай», укр. *не руш* «не трогай», блр. *не руш* «не тронь, не трогай», основная же семантика связана с движением: «двигать» (Русинско-русский словарь 2: 308), «отправляться, трогаться, двигаться» (Украинско-русский словарь 1971: 828), «двинуться, тронуться, устремиться» (Белорусско-русский словарь 2: 412).

Относительно глагола *щупать* следует отметить, что он был также зафиксирован в период древнерусского языка, причем как обозначение тактильной перцепции со значением «трогать, ощупывать» (Срезневский 3: 1614), т. е. он вполне мог бы претендовать на общее наименование осязания в восточнославянских языках, однако таковым не стал (он не функционирует в русинском языке).

В-третьих, в каждом из восточнославянских языков есть собственные лексемы для обозначения процесса осязания: в русском – *трогать* (*дотрагиваться*), *касаться* (*прикасаться*), *осязать*, в русинском – *пыт(ьк)ати*, *гматати*, *кывати* (*докывати ся*), *бабрати*, в украинском – *стосуватися*, *торкати(ся)* (*торкнути(ся)*, *доторкатися*, *доторкуватися*), в белорусском – *кранаць* (*дакранацца*), *кратаць*, *чапаць*.

Относительно указанных слов следует сделать некоторые замечания. Большинство названных глаголов имеют соответствия в близкородственных языках (причем не обязательно в восточнославянских), однако, как правило, эти соответствия не относятся к лексике, называющей тактильные ощущения.

Рассмотрим русские лексемы. Для рус. *трогать* «прикасаться к кому-, чему-либо, дотрагиваться» (Кузнецов 2000: 1347; МАС 4: 413) этимологические источники дают следующие параллели в украинском и белорусском языках: укр. *торгати*, диал. *трогати* «дергать», блр. *торгаць* «дергать» (Черных 2: 264), в которых семантика осязания не проявлена открыто, однако чтобы дернуть какой-либо объект, к нему нужно обязательно прикоснуться, до него нужно дотронуться, следовательно, прикосновение является частью процесса дергания и входит в семантическую структуру названных слов. В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля фиксируется глагол *торгать* (*торгнуть*) «рвать, дергать, теребить; толкать, тормозить», который соответствует (и формально, и семантически) украинской и белорусской лексемам, при этом автор отмечает, что «*торгать* и *трогать*, конечно, общего корня» (Даль 4: 801). Следовательно, рус. *трогать* могло образоваться от рус. диал. *торгать* путем экспрессивной перестановки согласных, и перцептивная семантика сформировалась на русской почве, на основе значения «рвать, дергать» (Фасмер 4: 83).

Глагол *касаться* функционирует в русском языке с древнерусского периода (с XI в.) со значением «касаться, относиться» (Срезневский 2: 1198), в современном русском литературном языке он имеет основное значение «дотрагиваться до кого-, чего-либо, прикасаться к кому-, чему-либо» (Кузнецов 2000: 420; МАС 2: 37). Современные же литературные украинский и белорусский языки подобной лексемой не обладают, но, по свидетельству словаря П.Я. Черных, в староукраинском языке фиксировался глагол *касатися* «касаться, употреблять» (XVIII в.), а в белорусских диалектах функционирует *касацца* «касаться» (ЭССЯ 9: 155–156). Интересно, что соответствия указанным восточнославянским глаголам есть и в южнославянских языках, и в западнославянских языках, однако перцептивную семантику имеет только старославянский *касати ся* «tangere, касаться», в остальных

случаях значение связано либо с быстрым передвижением, как в южнославянских языках (ср. макед. *каса* «бежать рысью», с.-хорв. *ка̑сати* «бежать трусцой, рысью, торопливо идти», словен. *kasati* «идти, потряхивая головой (о лошади)»), либо с закатыванием, подворачиванием (чаще одежды, например штанов), как в западнославянских (ср. чеш. *kasati* «закатывать, засучивать», чеш. диал. *kasat* «сгребать», «засучивать, подвертывать», слвц. *kasat'* «засучивать, закатывать», в.-луж. *kasać* то же, н.-луж. *kasaś* «засучивать, поднимать» и др.) (ЭССЯ 9: 155–156). Таким образом, только у русской лексемы сохраняется и развивается семантика осязания.

Русский глагол *осязать* также функционирует с XI в. со значением «прикоснуться, ощупать» (Срезневский 2: 755), на современном этапе – «воспринимать путем осязания; ощущать, воспринимать, замечать» (Кузнецов 2000: 281; МАС 2: 660). В качестве соответствий в других восточнославянских языках можно отметить: укр. *сягати* (*сягнути*) «достигать, доставать; простираться; разг. хватать», *осязати* (*осязнути*, *осязти*) «постигать; охватывать, обнимать, объять (умом, зрением)» (Украинско-русский словарь 1971: 532, 934); русин. *сягати* «протягивать руку, доставать» (Русинско-русский словарь 2: 405); блр. *асягнуць* «перен. охватить, постичь, объять» (Белорусско-русский словарь 1: 151). Тактильная семантика в названных соответствиях присутствует латентно, хотя в русинском словосочетании *руками не сягати* со значением «руками не трогать» перцепция выходит на первый план.

Таким образом, следует сказать, что современный русский литературный язык сохранил две древнерусские лексемы *касаться* и *осязать* для обозначения тактильной перцепции, тогда как другие восточнославянские языки их утратили (отчасти перцептивную семантику сохраняет русин. *сягати*). Также в русском языке сформировалось свое слово для обозначения тактильного восприятия – глагол *трогать*.

Русинские глаголы осязания образуют особую группу слов на фоне других восточнославянских языков. Можно выявить две основные тенденции в развитии данной группы лексики в русинском языке. С одной стороны, обнаруживается ряд параллелей между русинским и украинским языками и между русинским и западнославянскими языками. В частности, русинскому *гматати* «мять, комкать, щупать; впихивать, пихать» (Русинско-русский словарь 1: 166) соответствуют польск. *gmatwać, gmatać* «путать, беспорядочно мешать», чеш. *hmatati* «щупать», слвц. *hmatat'* «касаться, прикасаться (руками); щупать» (Етимологічний словник української мови 1: 533) и ст.-укр. *гма́тати* «комкать, гнуть» (Грінченко 1: 292), «давить, гнуть, мять» (Етимологічний словник української мови 1: 533). Представленный материал

дает возможность сказать, что русинская лексема *гматати* в своей семантике сочетает конкретное тактильное значение («щупать») и значение, которое стало основой, как нам представляется, для возникновения этого осязательного значения: ведь чтобы давить на какой-то предмет, комкать и мять его, нужно касаться этого предмета, держать его в руках. В то же время остальные параллельные образования делятся на две группы: а) в чешском и словацком языках соответствующие глаголы обозначают только тактильную перцепцию, б) в польском и украинском языках перцептивная семантика не оформилась в отдельное значение, но она потенциально содержится в их семантической структуре.

С другой стороны, у русинских глаголов (*бáбрати, кывати, пыт(ьк)ати*) семантика осязания формируется независимо от других славянских языков, хотя для каждого из названных русинских слов почти во всех славянских языках есть соответствия, однако перцептивная семантика у них либо не развивается, либо находится в потенци, либо периферийна. Ср.:

– русин. *бáбрати* «возиться; трогать; пачкать», *бáбрати ся* «возиться, канителиться; морочиться; разг. ковыряться», *бáбрѹти* «пачкать, грязнить, марать» (Русинско-русский словарь 1: 60) родственно с.-хорв. *бǎбрати* «возиться, рыться; канителиться»; чеш. *babrati se* «копаться (руками) в чем-либо», слвц. *babrat'* «пачкать; делать плохо, неумело; трогать», *babrat' se* «пачкаться; возиться, медленно и долго делать», польск. *babrać* «пачкать, загрязнять; плохо делать»; укр. *бáбрати* «пачкать, марать», *бебрати* «перебирать, выискивать что получше (о еде)», *бáбратися* «копаться в нечистоте, заниматься грязной работой», рус. диал. *барáбать* «рыть, разрывать; брать, захватывать», «перебирать, приводить в беспорядок», «беспорядочно двигать ногами (о ребенке)», «хватать, схватывать», «говорить невнятно или невразумительно», *барáбаться* «плескаться в воде, пачкаться, перебирать грязь, песок», «лезть вверх» (ЭССЯ 1: 112–113). На основе приведенных лексем реконструируется о.-слав. *babrati (se), которое считается звукоподражательным образованием с экспрессивным удвоением согласных;

– русин. *кывати* «двигать, шевелить чем; трогать кого, что», *кывати ся* «шевелиться, двигаться; хлябать», *докынути* «дотронуться, притронуться; прикоснуться» (Русинско-русский словарь 1: 235, 460) восходят к тому же корню, что болг. *кывамь* «кивать», словен. *kívati* «кивать головой, махать рукой», чеш. *kývati* «качать, колебать; кивать (в знак согласия); подзывать знаком», слвц. *kývat'* «качать, двигать, махать приветственно», в.-луж. *kiwać* «качать, двигать, махать, кивать», н.-луж. *kiwaś* «кивать, мигать», *kiwaś se* «шататься», польск. *kiwaś*

«кивать, махать», рус. *кивать* «делать легкие наклонные движения головой в знак приветствия, согласия, утверждения», укр. *кивати* «кивать, махать», *киватися* «качаться», блр. *кiваць* «качать (головой)», *кiвацца* «шататься» (ЭССЯ 13: 283–284). Указанные лексемы являются рефлексами о.-слав. *kyvati, для которого реконструируется значение «махать сверху вниз, двигаться сверху вниз»;

– русин. *пытати* «ощупывать, щупать, шарить», *пытькати* «ощупывать, щупать; трогать руками; прост. груб. лапать» (Русинско-русский словарь 2: 251), *допытати* «прощупать, найти щупая» (Русинско-русский словарь 1: 240) в современных славянских языках соответствуют лексемы, значение которых практически во всех случаях одно «спрашивать, допытываться»: польск. *pytać*, чеш. *ptáti se*, в.-луж. *pytać*, н.-луж. *pytaś*, болг. *питам*, с.-хорв. *pitamti*, укр. *питáти*, блр. *пытáць*, рус. *пытать* (у русского глагола значение развивалось от «спрашивать, допытываться, разузнавать» к «применять пытку на допросе») (Черных 2: 88). Общеславянской праформой для всех названных слов является *pytati, значение которой можно сформулировать как «спрашивать».

Четыре рассмотренных русинских лексемы можно объединить в синонимические пары, а именно: *зматати* и *пыт(ьк)ати* «щупать», *бабрати* и *кывати* «трогать», в семантике которых по-разному проявляется активность субъекта восприятия (в первой паре действия субъекта активнее).

Следует сказать, что русинские глаголы *кывати* и *пыт(ьк)ати* как обозначения тактильной перцепции можно назвать русинской семантической инновацией, так как только в русинском языке развивается перцептивное значение. Кроме того, зоны семантической инновации при именовании осязания русинский язык образует с некоторыми западнославянскими языками, а именно с чешским и словацким: а) ср. русин. *зматати* «щупать» и чеш. *hmatati* «щупать», слвц. *hmatat'* «касаться, прикасаться (руками); щупать»; б) ср. русин. *бабрати* и слвц. *babrat'* с неосновным значением «трогать», отчасти присутствует тактильная семантика и в значении чешской лексемы *babrati se* «копаться (руками) в чем-либо».

В украинском языке, независимо от других славянских языков, у двух глаголов формируется тактильная семантика – *торкати* «трогать, касаться, прикасаться, дотрагиваться» (и его дериваты) и *стосуватися* «касаться, относиться» (Украинско-русский словарь 1971: 917, 955), причем она основная, в то время как их соответствия в других славянских языках такого значения не развивают. Например, ср.: соответствия для укр. *торкати* – рус. *тóркать* «толкать, тыкать» (Кузнецов 2000: 1333), блр. *тóркаць* «толкать, тыкать; (вожжами) дергать;

(о рыбе) клонуть» (Белорусско-русский словарь 2: 557), чеш. *trkati*, словц. *strkat'*, в.-луж. *storkać*, н.-луж. *starkaś*, словин. *t'kati* «толкать» (основное значение для всех западнославянских соответствий), праформа для перечисленных лексем может быть восстановлена в виде *trkati с общим значением «толкать» (Етимологічний словник української мови 5: 604–605; Фасмер 4: 83).

Глагол же *стосуватися*, по данным этимологического источника, является в украинском языке полонизмом (польск. *stosować* «применять; приспособливаться»), однако значение осязательной перцепции развилось именно в украинском языке (Етимологічний словник української мови 5: 429). Следовательно, можно и в этих двух случаях говорить о семантических инновациях, произошедших в украинском языке.

Наконец, в белорусском языке для номинации тактильного восприятия закрепились лексемы *кранáць* «трогать, задевать, касаться», *кράтаць* «трогать; сдвигать» (Белорусско-русский словарь 1: 613–614), *чанаць* «трогать, задевать» (Белорусско-русский словарь 2: 690), которые отличают белорусский язык от других восточнославянских. В Этимологическом словаре белорусского языка указывается на то, что глагол *кранаць* образован от *кратнуць и первоначально имел форму *крануць*, а затем, по аналогии (видимо, с *кратаць*), приобрел современную форму (Этымалагічны слоўнік беларускай мовы 5: 111, 114–115). Архетипом для блр. *кранаць* является о.-слав. *krętnŏti (se), который имеет рефлексy и в других славянских языках, однако значения их связаны по большей части с движением, различным перемещением предметов в пространстве. Семантика же тактильных ощущений фиксируется в некоторых южнославянских языках (ср. болг. диал. *крéна* «тронуть, тронуться», с.-хорв. *крéнути* «пойти, отправиться, двинуться; подняться на борьбу, восстать; хлынуть (о воде); пойти в рост; начаться; двинуть, шевельнуть; тронуть, коснуться») и в диалектах русского языка (рус. диал. (новг., ленингр., калин.) *крянуть*, *кренуть* «тронуть, прикоснуться») (ЭССЯ 12: 145–147; СРНГ 15: 369).

Белорусское *кратаць* восходит к о.-слав. *krętati (se) (эта форма соотносима с о.-слав. *krętnŏti (se)) и также имеет параллели в большинстве славянских языков, но семантика осязания фиксируется только у русских диалектных лексем: рус. диал. (твер., олон., новг.) *крятать* «прикасаться, трогать», (ворон.) *крятаться* «касаться», в остальных языках глаголы называют движение, чаще с поворотом (ЭССЯ 12: 147–148; СРНГ 15: 371). Кроме того, в этимологических источниках отмечается возможное родство блр. *кратаць* с литовскими лексемами *kratýti* «трясти», *krutėti* «двигаться», *krūtinti*, *krutnóti* «двигать; трогать» (Этымалагічны слоўнік беларускай мовы 5: 111, 114–115). Возможно,

здесь мы имеем дело со следами балто-славянской изоглоссы, однако это требует более детального рассмотрения.

Таким образом, в белорусском языке лексемы *кранаць* и *кратаць* входят в основной состав группы осязательной лексики, тогда как в других восточнославянских языках данная семантика или не оформилась, или отмечается только в диалектах (в русском языке). Вместе с тем прослеживается общность обозначения осязания с некоторыми южнославянскими языками.

Белорусский глагол *чапаць* имеет параллели в других славянских языках, семантика которых отражает процесс хватания, цепляния: польск. *czapić, czapię, czapać* «схватить», чеш. *čapatí, čapítí* «схватить», словц. *čapít'* «бить, хватать», болг. *чáпвам, чáнна* «клюю, подцепляю», с.-хорв. стар. *чaпати* «хватать», словен. *čápati* «хватать ртом», рус. *чáпáть* южн., вост. «трогать, брать, хватать, цапать; черпать; качать, зыбать» (Даль 4: 1285), *чáпáть* «идти (обычно с трудом, медленно)» (Кузнецов 2000: 1467), укр. *чáпати* «идти, медленно ступая со звуком», «рвать, обрывать (плоды)», *чáпáтися* «хватать, цепляться» и др.) (Фасмер 4: 315; ЭССЯ 4: 16–18). Реконструированная праформа – *čapati, для которой восстанавливается значение «хватать, цеплять». Как считают этимологи, форма *čapati возникла как звукоподражание тому звуку, который сопровождает процесс хватания, цепляния (ср. *capati, *xapati) (ЭССЯ 4: 18). Следует отметить, что как перцептивный глагол рефлекс названной праславянской формы *чапаць* функционирует только в современном белорусском литературном языке, хотя исторически тактильная семантика фиксировалась у русского (*чáпáть* и *чaпáть* «трогать, брать, хватать, цапать» (Даль 4: 1285)) и у украинского глаголов (*чeпáти* «трогать, свешивать», *чiпáти* «трогать» (Грінченко 4: 451)), однако на современном этапе она либо устарела, либо свойственна только диалектным лексемам.

3. Рассмотрев лексику тактильной перцепции в восточнославянских языках, можно сделать некоторые предварительные выводы относительно первичности перцептивной семантики и моделей ее формирования. Наиболее ранними обозначениями осязания у восточных славян, по всей видимости, являются глаголы *касáться* и *осязáть*, которые фиксируются в памятниках начиная с XI в. и которые сохранились как тактильные глаголы только в русском языке (отчасти в русинском языке: *руками не сягати*). Глагол *щупáть*, который также функционировал уже в древнерусском языке (первая фиксация в переводах Пандектов Никона Черногорца XII в.) (Срезневский 3: 1614), как и указанные выше *касáться* и *осязáть*, мог бы стать общим обозначением осязания у восточных славян, однако таковым не стал: в русинском языке он отсутствует, в украинском и белорусском языках

соответствующие лексемы (укр. *щупати*, блр. *шчупаць*) конкурируют с глаголами более употребительными укр. *мацати*, блр. *мацаць*, в русском же языке это один из основных глаголов, обозначающих тактильную перцепцию.

Именуя тактильное восприятие окружающей действительности, восточные славяне не только использовали для этого отдельные слова, но и составляли сложные наименования с глаголами общей перцепции (*чутти / чують* и его производные, *воспринимать*), хотя не во всех языках такие обозначения прижились или образовались (например, в русском их нет).

Для большей части лексем, которые в современных восточнославянских языках служат для именованя осязания, перцептивная семантика не является первичной. Имеющийся у нас материал позволяет выделить несколько моделей формирования тактильной семантики:

1) экспрессивное звукоподражание, отражающее процесс хватания, цепляния, ловли, дергания (типа *lap-, *čar-, *torg-/tʔrg-, *tʔrk-/stʔrk) > хватать, ловить / хватать, цеплять / дергать > глагол со значением осязания: *лапати* (и его соответствия), *чапаць*; *трогати*, *торкати*; *бабрати*;

2) разного рода движение (сверху вниз, с целью разрушения, повреждения, толчка, удара, поворота и др.) > глагол со значением осязания: *щупати* (и его соответствия), *кывати*, *касаться*, *осязати*, *рушати* (и его соответствия), *кратаць*, *кранаць*; *тыкати ся* (и его соответствия);

3) давить, мять, выжимать > глагол со значением осязания: *мацати* (и его соответствия), *гматати*;

4) спрашивать, допытываться > глагол со значением осязания: *пытати*.

Итак, во всех современных восточнославянских языках тактильное восприятие именуется целым рядом лексем. В семантике глаголов, называющих осязание, отражается степень активности субъекта восприятия, что может быть связано, на наш взгляд, с той семантической основой, на которой сформировалось перцептивное значение. Рассмотренные лексемы преимущественно называют способность именно человека, а не животного познавать окружающий мир через прикосновение. Общей восточнославянской литературной формы для наименования данного вида перцепции нет (только просторечный разговорный глагол рус. *лапать*, укр. *лапати*, русин. *лапати*, блр. *лапаць* употребляется всеми восточными славянами для обозначения тактильного восприятия).

В основу номинации тактильной перцепции в восточнославянских языках положены такие действия человека, как «хватать, ловить»,

«хватать, цеплять», «дергать», «давить, мять, выжимать», «двигать(ся)», «поворачивать, сворачивать», «спрашивать».

По набору лексем, входящих в состав рассмотренных синонимических групп, восточнославянские языки по-разному соотносятся между собой: большее количество сходств в составе синонимических групп обнаруживается между украинским и белорусским языками, а большее количество различий – между русским и русинским языками, при этом состав русских и русинских глаголов осязания во многом отличается от состава украинского и белорусского языков. На формирование тактильной лексики русинского языка серьезное влияние оказали западнославянские языки, в частности словацкий и чешский. Русские тактильные глаголы стоят особняком и очень незначительно пересекаются с глаголами синонимических рядов в других восточнославянских языках, а в русинском языке функционирует больше осязательных глаголов, которые не зафиксированы в других восточнославянских языках как глаголы тактильного восприятия.

В каждом рассмотренном языке сформировались свои наименования тактильной перцепции: в русском языке это глагол *трогать* (*касаться* и *осязать* – наследие древнерусского языка), в русинском – *кывати* и *пыт(ьк)ати*, в украинском – *торкати* и *стосуватися*, в белорусском языке – *кранаць* и *кратаць*. Все это свидетельствует о том, что современная лексика тактильного восприятия формировалась в восточнославянских языках достаточно поздно, уже в процессе становления отдельных языков (русского, украинского, белорусского, русинского), и каждый язык здесь шел своим путем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее: *Садыкова И.В.* Славянские соответствия русскому *чуять*: к вопросу семантической эволюции // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 3. С. 121–132.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

блр.	– белорусский язык
болг.	– болгарский язык
в.-луж.	– верхнелужицкий язык
др.-греч.	– древнегреческий язык
лат.	– латинский язык
макед.	– македонский язык
н.-луж.	– нижнелужицкий язык

о.-слав.	– общеславянский язык
польск.	– польский язык
праслав.	– праславянский язык
рус.	– русский язык
русин.	– русинский язык
слвц.	– словацкий язык
словен.	– словенский язык
словин.	– словинский язык
с.-хорв.	– сербо-хорватский язык
ст.-укр.	– староукраинский язык
укр.	– украинский язык
хет.	– хеттский язык
чеш.	– чешский язык

ЛИТЕРАТУРА

Белорусско-русский словарь 1 - Белорусско-русский словарь: В 2 т. / Гл. ред. К.К. Крапива. Минск: Белорусская энциклопедия, 1988. Т. 1.

Белорусско-русский словарь 2 - Белорусско-русский словарь: В 2 т. / Гл. ред. К.К. Крапива. Минск: Белорусская энциклопедия, 1989. Т. 2.

Даль 4 - *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Терра, 1998. Т. 4.

Кузнецов 2000 - Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

МАС 2 - Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1982. Т. 2.

МАС 4 - Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1984. Т. 4.

Русинско-русский словарь 1 - *Керча И.* Русинско-русский словарь: В 2 т. Ужгород: ПолиПринт, 2007. Т. 1 (А–Н).

Русинско-русский словарь 2 - *Керча И.* Русинско-русский словарь: В 2 т. Ужгород: ПолиПринт, 2007. Т. 2 (О–Я).

САР 6 - Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. СПб.: Изд-во Академии наук, 1798. Т. 6 (Т–Я).

Срезневский 2 - *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М.: Знак, 2003. Т. 2 (Л–П).

Срезневский 3 - *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М.: Знак, 2003. Т. 3 (Р–Я).

СРНГ 8 - Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филина. Л.: Наука, 1972. Вып. 8 (Дер – Ерепениться).

СРНГ 15 - Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филина. Л.: Наука, 1979. Вып. 15 (Кортусы – Куделюшки).

СРНГ 18 - Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1982. Вып. 18 (Маслиничек – Мутарсливый).

СРЯ XI–XVII - Словарь русского языка XI–XVII веков. М.: Наука, 1977. Вып. 4.

Украинско-русский словарь 1971 - Украинско-русский словарь / Под ред. В.С. Ильина. Киев: Наукова думка, 1971.

Фасмер 4 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. 4.

Черных 2 - *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2.

ЭССЯ 1 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974. Вып. 1.

ЭССЯ 4 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1977. Вып. 4.

ЭССЯ 9 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1983. Вып. 9.

ЭССЯ 12 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1985. Вып. 12.

ЭССЯ 13 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1987. Вып. 13.

ЭССЯ 14 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1987. Вып. 14.

Грінченко 1 - *Грінченко Б.Д.* Словарь української мови: У 5 т. Київ, 1907. Т. 1.

Грінченко 4 - *Грінченко Б.Д.* Словарь української мови: У 5 т. Київ, 1909. Т. 4.

Етимологічний словник української мови 1 - Етимологічний словник української мови: У 7 т. / Голов. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 1982. Т. 1.

Етимологічний словник української мови 5 - Етимологічний словник української мови: У 7 т. / Голов. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 2006. Т. 5.

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы 5 - Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. Г.А. Цыхун. Мінск: Акадэмія навук БССР (Беларусі), 1989. Т. 5.

Pokorny 1951–1959 - *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern-München, 1951–1959.

REFERENCES

Krapiva, K.K. (1988) *Belorussko-russkiy slovar'*: V 2 t. [The Belarusian-Russian dictionary. In 2 vols]. Vol. 1. Minsk: Belorusskaya entsiklopediya.

Krapiva, K.K. (1989) *Belorussko-russkiy slovar'*: V 2 t. [The Belarusian-Russian dictionary. In 2 vols]. Vol. 2. Minsk: Belorusskaya entsiklopediya.

Dał, V.I. (1998) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Terra.

- Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
- Evgenieva, A.P. (ed.) (1982) *Slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [The Dictionary of the Russian language in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
- Evgenieva, A.P. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [The Dictionary of the Russian language in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
- Kercha, I. (2007a) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusinian-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhgorod: PoliPrint.
- Kercha, I. (2007b) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusinian-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhgorod: PoliPrint.
- Russian Academy of Sciences. (1798) *Slovar' Akademii Rossiyskoy, proizvodnym poryadkom raspolozhenny* [The Dictionary of the Russian Academy in the order of the derivative]. Vol. 6. St. Petersburg: Academy of Sciences.
- Sreznevskiy, I.I. (2003a) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka: V 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language. In 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Znak.
- Sreznevskiy, I.I. (2003b) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka: V 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language. In 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Znak.
- Filin, F.P. (ed.) (1972) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 8. Leningrad: Nauka.
- Filin, F.P. (ed.) (1979) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 15. Leningrad: Nauka.
- Filin, F.P. (ed.) (1982) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 18. Leningrad: Nauka.
- Filin, F.P. & Bogatova, G.A. (eds) (1977) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language on the 11th–17th centuries]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
- Ilyin, V.S. (1971) *Ukrainsko-russkiy slovar'* [The Ukrainian-Russian Dictionary]. Kiev: Naukova dumka.
- Fasmer, M. (1987) *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 4. Moscow: Progress.
- Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 2 t.* [The Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
- Trubachev, O.N. (ed.) (1974) *Etimologicheskyy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- Trubachev, O.N. (ed.) (1977) *Etimologicheskyy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 4. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1983) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 9. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1985) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 12. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1987a) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 13. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1987b) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 14. Moscow: Nauka.

Grinchenko, B.D. (ed.) (1907) *Slovar' ukrains'koi movi: U 5 t.* [The Dictionary of the Ukrainian language. In 5 vols]. Vol. 1. Kiiiv: Kievskaya Starina.

Grinchenko, B.D. (ed.) (1909) *Slovar' ukrains'koi movi: U 5 t.* [The Dictionary of the Ukrainian language. In 5 vols]. Vol. 4. Kiiiv: Kievskaya Starina.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1982) *Etimologichniy slovník ukrains'koy movi: U 7 t.* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1. Kiiiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (2006) *Etimologichniy slovník ukrains'koy movi: U 7 t.* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 5. Kiiiv: Naukova dumka.

Tsykhun, G.A. (ed.) (1989) *Etymalogichny slovník belaruskay movy* [The Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 5. Minsk: Academy of Sciences.

Pokorny, J. (1951–1959) *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [The Indo-European Etymological Dictionary]. Bern-München: Francke.

Садыкова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

Sadykova Irina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: pansadyk@rambler.ru